

«СИЛОВАЯ ПОЛИТИКА» В КАРАБАХСКОМ КОНФЛИКТЕ: ДИХОТОМИЯ СДЕРЖИВАНИЯ И ПРИНУЖДЕНИЯ

Сергей Минасян

Введение

Угроза использования силы зачастую эффективнее ее реализации. В то же время недостаточно просчитанное или самонадеянное упование на собственный силовой потенциал может привести к катастрофическим последствиям для инициатора использования угроз в политических отношениях. Современная политическая наука, в особенности теория международных отношений и исследования в сфере безопасности (*security studies*), уделяет большое внимание изучению роли силового фактора в мировой политике, в том числе в этнополитических и межгосударственных конфликтах. Силовой фактор – в частности, угроза использования силы – всегда использовался в качестве чрезвычайно эффективного внешнеполитического ресурса. Вместе с тем, ученые и политические деятели придают важность и поискам механизмов эффективного противодействия данному фактору. В последние десятилетия изучение феномена силовых угроз стало одним из важнейших направлений в рамках указанных научных дисциплин, особенно в англоязычной литературе, преимущественно увязываясь с такими концепциями, как *теория сдерживания* и *теория принуждения*.

В данной работе мы попытаемся сконцентрироваться на комплексном сопоставлении теории сдерживания с теорией принуждения. В современных исследованиях по международным отношениям и исследованиям в сфере безопасности обе указанные теории зачастую рассматриваются как дихотомии-

---

¹ К.и.н., руководитель департамента политических исследований Института Кавказа.

ческие элементы в рамках общей проблематики *силовой политики (coercion)*¹. Теоретический анализ проецирован на ситуацию Карабахского конфликта, со сравнительным анализом военно-политических возможностей вовлеченных сторон по практическому использованию силового ресурса.

Очевидно, что каждый этнополитический и международный конфликт имеет свою специфику и свои уникальные параметры функционирования. Однако, вместе с тем, все конфликты укладываются в общую логику развития. К ним вполне могут быть применены теоретические конструкции и концепции для лучшего понимания и объяснения причинно-следственной связи, алгоритма и механизма реализации, оценки степени эффективности мер противодействия.

Тематика работы имеет не только чисто академический смысл, но и несомненное практическое значение применительно к ситуации вокруг Карабахского конфликта. Это особенно важно в условиях, когда угроза возобновления военных действий является одним из важнейших факторов, влияющих на региональную ситуацию и переговорный процесс. Сложная совокупность внешних и внутренних факторов, и особенности – сохраняющийся военно-политический баланс, пока не позволяют изменить статус-кво и возобновить военные действия в Карабахе. В данной ситуации составляющие элементы силовой политики (сдерживание и принуждение) приобретают особую важность в подходах конфликтующих сторон.

1. Сущность и структура силовой политики: соотношение сдерживания и принуждения

Силовая политика (coercion) зачастую характеризуется как «отличительный тип стратегии, целью которой является использование угроз для давления на другого актора, чтобы сделать что-то против его желания (*принуждение*)

---

¹ В англоязычной политологической литературе широко употребляемое слово *coercion* (используются также выражения *coercive policy, coercive diplomacy, strategic coercion*) обычно переводится как *принуждение*, однако представляется, что более точным смысловым и эквивалентом данного научного термина будет *силовая политика*. Такой перевод тем более оправдан с учетом того факта, что *принуждению* в англоязычной научной политологической литературе соответствует более частный и конкретный термин *compellence*. *Принуждение (compellence)* наравне со *сдерживанием (deterrence)* являются составными элементами внутри более общей теории использования силового фактора (*coercion*) в реализации внешней и оборонной политики государств в современных работах по теории международных отношений и исследованиям в сфере безопасности. См. подробнее [1, pp. x-xi].

– *compellence*) или же заставить воздержаться от того, что планировалось сделать (*сдерживание* – *deterrence*) [2, р. 216]. Согласно классическим определениям военно-стратегической мысли на самом общем уровне терминологического обобщения, «силовая политика – это использование угроз для влияния на поведение других» [3, р. 99]¹. Особенностью силовой политики как политического феномена и научной концепции является то, что она соприкасается с ролью влияния открытых угроз на возможность осуществления вероятным противником стратегического выбора в реализации внешней и оборонной политики.

При этом силовая политика в своем классическом виде подразумевает именно угрозу использования силы, а не ее реализацию, если только «дозированное» претворение декларированных угроз в жизнь не преследует своей целью подтверждение и повышение их убедительности для дальнейшего влияния на волю и решимость противника. Иными словами, концепция допускает возможность ограниченного использования силы для дальнейшего убеждения вероятного противника отказаться в своей стратегии от осуществления определенных действий или же, наоборот, побудить на нежелательные для него самого шаги. Открытое военное насилие не является главной целью силовой политики и, более того, зачастую является индикатором неэффективности и провала ее реализации: «успешные угрозы – это те, которые не нужно реализовывать» [1, р. 10].

Силовая политика как научная теория и практическая стратегия внешнеполитического поведения стала активно разрабатываться в США примерно с 1960-х гг., включив в себя в качестве составного элемента появившуюся десятилетием раньше теорию сдерживания. Разработка теории силовой политики тесно связана с именем Томаса Шеллинга, которому обязана во многом своим концептуальным развитием. Позднее, уже в последние десятилетия, силовая политика зачастую сама стала включаться в более широкие рамки *теории влияния* (*Influence theory*) или же *теории стратегического торга* (*Strategic bargaining*)².

---

¹ В своей статье Патрик Браттон выводит данную обобщающую формулу на основе компиляции терминологических определений силовой политики, использованных в классических трудах Томаса Шеллинга, Лоуренса Фридмана и ряда других авторов.

² См. подробнее [4].

Аналогично тому, как в военной науке известны две основные формы ведения боевых действий – оборона и нападение (с бесчисленными переходными комбинациями), с определенной долей обобщения можно утверждать, что теория силовой политики также включает две основные формы – «оборонительную» (сдерживание¹) и «наступательную» (принуждение). Они отличаются в первую очередь исходя из своей основной цели: сохранения или же наоборот – изменения существующего статус-кво в конфликтной ситуации, а не с учетом количественных или качественных параметров своего военного, экономического или иного потенциала. Обладающая значительным силовым потенциалом и заинтересованная в сохранении существующего статус-кво сторона также может использовать сдерживание в различных ситуациях на глобальном и региональном уровне. Например, США сохраняют сдерживание как ключевой элемент своей политики национальной безопасности еще с периода Холодной войны.

Другими важными отличиями между сдерживанием и принуждением являются различные подходы к факторам времени, характеру выдвигаемых требований и проявлению инициативы. Сдерживание предполагает «пассивный подход», без определенной временной фиксации, оставляющий на усмотрения сдерживаемого возможность осуществления выбора – совершать или нет действие, направленное против стороны, осуществляющей сдерживание («обороняющейся» стороны). Главным и зачастую единственным выдвигаемым условием сдерживающей стороны является требование к оппоненту воздержаться от неприемлемого шага и, будучи озвученным, обычно не меняется.

Тем самым, сдерживающаяся сторона, сигнализирував оппоненту степень последствий/ущерба от возмездия при инициировании нежелательных действий и попытке изменить статус-кво, обычно демонстрирует готовность ждать «до бесконечности», оставляя оппоненту бремя ответственности за дальнейшее развитие событий.

¹ В силу особенностей русскоязычной политологической терминологии (использование слова «сдерживание» для обозначения двух различных англоязычных терминов) следует отличать термин *deterrence* – преимущественно военно-силовое сдерживание от сдерживания политико-дипломатическими методами – *containment*. В рамках общей теории *силовой политики* в качестве составляющего элемента используется именно *deterrence* (т.е. сдерживание путем «устрашения»). Следовательно, основным смыслом данного типа сдерживания является недопущение реализации политического акта (в полном соответствии с хрестоматийным определением Клаузевица) – начала военных действий «ревизионистской» стороной, не согласной с сохранением существующего статус-кво.

В свою очередь, принуждение – это «активный» способ действий, нацеленный на принудительное убеждение оппонента пойти на изменение статус-кво под угрозой применения силы. Принуждение как политическая стратегия требует постоянной инициативности. Угрозы и требования со стороны принуждаемой стороны продолжаются до тех пор, пока оппонент не будет вынужден пойти на уступки или отказаться от уже совершенных действий. Для большей эффективности принуждение обычно требует фиксации некой крайней даты, временного срока, ультимативно предъявляемого оппоненту. После чего принуждающая сторона демонстрирует решимость пойти на силовые меры, иначе ее угрозы окажутся безуспешными и неубедительными в глазах оппонента [2, р. 218].

Специфика силовой политики в конфликтных ситуациях такова, что одна и та же сторона конфликта на различных стадиях противостояния может попеременно придерживаться то политики сдерживания, то принуждения. Например, армянские стороны до заключения перемирия в 1994г. преимущественно придерживались элементов политики принуждения, а в настоящее время реализуют политику сдерживания. Одна и та же сторона может реализовывать сдерживание и одновременно применять принуждение в отношении иного актора региональной политики, косвенно или напрямую также вовлеченного в конфликт. Наглядным примером является ситуация, когда Армения реализует сдерживание в отношении Азербайджана для недопущения боевых действий и одновременно использует политическое принуждение с целью признания Турцией геноцида 1915г., деблокирования Армении и удержания ее от прямого вовлечения в Карабахский конфликт.

Более того, одна и та же сторона может в конфликтной ситуации одновременно реализовывать как элементы сдерживания, так и принуждения. Например, так поступали и США и СССР в ходе Кубинского кризиса 1962г. Таким образом, одновременно с динамикой развития самого кризиса или взаимоотношений между политическими акторами, сдерживание и принуждение могут быть в динамичной и вариативной связи. Они выступают как элементы процесса реализации силовой политики, а не как статичные понятия.

2. Сдерживание в Карабахском конфликте: типология и классификация

2.1. Сдерживание как наиболее разработанная теория в современных исследованиях по проблемам безопасности

Сдерживание подразумевает предотвращение нежелательных военно-политических действий одной стороны в отношении другой с помощью угрозы причинения ей неприемлемого ущерба. Сдерживание предполагает совокупность военных, военно-политических, экономических, дипломатических, психологических и иных мер, направленных на убеждение потенциального агрессора в невозможности достижения им своих целей военными методами. Еще два века назад Клаузевиц дал достаточно емкое определение логики сдерживания: «Так как война не является слепым актом страсти, а в ней господствует политическая цель, то ценность последней должна определять размер тех жертв, которыми мы готовы купить ее достижение... Таким образом, как только потребуется затрата сил, превышающая ценность политической цели, от последней приходится отказываться; в результате заключается мир» [5, с. 44].

Теоретическая база исследований в сфере проблем сдерживания насчитывает тысячи научных и научно-практических публикаций, особенно в англоязычной литературе. Можно даже утверждать, что в течение полувекового периода Холодной войны ни одна из отраслей исследований в сфере безопасности или теории международных отношений не получила такого распространения, как сдерживание. Развитие данной теории связано с именами таких «классиков жанра», как Бернард Броди, Генри Киссинджер, Томас Шеллинг, Герман Кан, Джон Миршеймер, Патрик Морган, Лоуренс Фридман, Самуэль Хантингтон и др., а также со становлением и развитием таких всемирно известных аналитических центров, как *RAND Corporation*, Фонд Карнеги, *SIPRI*, *IISS*, ИМЭМО, ИСКРАН и многие другие.

Отмечая громадное научно-практическое значение теории сдерживания, один из ведущих российских ученых-международников Сергей Караганов подчеркивает, что она «фактически является одной из основ теории международных отношений. Теория сдерживания применима как к отношениям между государствами, так и внутри общества, к отношениям даже между

людьми» [6, с. 122]. В период после завершения Холодной войны теория сдерживания приобрела новый смысл и содержание. Заметно смещение с уровня тематики стратегического ядерного сдерживания в сторону более востребованных теорий сдерживания с помощью обычных вооружений, а также их применения к региональным, а не глобальным системам безопасности.

Проблематика сдерживания в региональных конфликтах представляет несомненный практический интерес, одновременно требуя глубокого теоретического анализа. Поэтому для начала необходима краткая типология сдерживания и классификация ее составляющих элементов. Это даст возможность лучше понять механизм функционирования и специфические особенности теории при ее проецировании на ситуацию Карабахского конфликта.

2.2. Типология сдерживания

Основываясь на богатом теоретическом инструментарии, ученые-международники и специалисты по стратегическим исследованиям выработали достаточно стройную и многогранную типологию военно-политического сдерживания. Хотя, как и в большинстве общественно-политических наук, однозначного консенсуса у специалистов по данной типологии не существует, тем не менее представляется целесообразной типология сдерживания согласно следующим основным критериям:

- в соответствии с *сущностью сдерживания* (ядерное, с помощью иных видов ОМП, или же с помощью обычных вооружение – т.е. конвенциональное сдерживание);
- в соответствии с *определением субъекта сдерживания и/или распространением обязательств* («узкое» («минимальное») и «расширенное» сдерживание);
- в соответствии с *динамикой и временным охватом сдерживания* («общее» и «непосредственное» («ситуативное») сдерживание);
- по *характеру реализации угроз* («сдерживание наказанием» и «сдерживание лишением»).

В соответствии со своей *сущностью* (или, иными словами, «материальной основой») реализации возможных угроз, военно-политическое сдерживание может быть *ядерным*, с применением других видов ОМП (химического и бактериологического) или же обычных вооружений (*конвенциональ-*

НЫМ). В период Холодной войны и биполярного противостояния сверхдержав основной упор в исследованиях и практике сдерживания был сделан на сдерживающем потенциале ядерного оружия. Однако примерно с 1980-х гг. и после окончания Холодной войны все большее значение стала приобретать тематика сдерживания обычными (конвенциональными) вооружениями, особенно актуальное в региональных конфликтах. Проблематика конвенционального сдерживания применительно к Карабахскому конфликту уже освещалась в ряде наших работ, поэтому не будем углубляться в детали [7, 8]. Очевидно, что в ситуации Карабахского конфликта и без вовлечения внешних акторов – ядерных сверхдержав, речь может идти лишь о конвенциональном сдерживании. Именно на тематике конвенционального сдерживания и в основном сконцентрирована данная статья.

В соответствии с определением **субъекта сдерживания** и/или **распространением обязательств по его реализации** сдерживание может характеризоваться как «узкое» (иногда его еще называют «минимальное») и «расширенное». «Узкое» сдерживание непосредственно касается обеспечения безопасности и интересов самой сдерживающей стороны, тогда как «расширенное» сдерживание применяется в ситуации, когда военно-политические гарантии и обязательства сдерживания распространяются также на другую страну (группу стран). В годы Холодной войны концепция «расширенного» сдерживания была одной из фундаментальных основ военно-политического планирования НАТО. Соединенные Штатами распространяли свои «ядерные гарантии», как составной элемент глобального ядерного сдерживания, и на европейских членов Альянса. Аналогично США распространили принципы расширенного сдерживания и в Азиатско-Тихоокеанском регионе, в отношении Японии и Южной Кореи.

Исходя из указанной типологии, в Карабахском конфликте мы сталкиваемся со смешанным вариантом сдерживания. С одной стороны, очевидно, что имеет место ситуация «расширенного» сдерживания. Во всех основных концептуальных документах в сфере безопасности и обороны – Стратегии национальной безопасности, Военной доктрине и др., Армения зафиксировала четкие обязательства перед Нагорным Карабахом как гарант его безопасности и представитель интересов НКР на международной арене. Таким образом, возникает ситуация «расширенного» сдерживания: Армения свои-

ми военно-политическими гарантиями сдерживает Азербайджан от возобновления боевых действий против Нагорного Карабаха. Одновременно с этим Армения осуществляет собственное сдерживание в отношении того же Азербайджана, военно-политическое руководство которого неоднократно заявляло о готовности нанести военные удары по всей территории Армении¹. В данной ситуации очевидна ситуация «минимального» или «узкого» сдерживания, когда Армения реализует политику сдерживания для противодействия вероятной агрессии со стороны Азербайджана (частично – и Турции). Наконец, в свою очередь сама Армения является также бенефициарием «расширенного» сдерживания, с учетом распространения на нее военных гарантий безопасности со стороны России и ОДКБ.

В соответствии с параметрами динамики и временного охвата сдерживание может подразделяться на *«общее»* и *«непосредственное» («ситуативное»)*. Ситуация «общего» сдерживания подразумевает совокупность военно-политических мер по парированию в самых общих чертах фундаментальных угроз безопасности страны, даже если они направлены против конкретного противника с целью удержания его от развязывания прямой военной агрессии. «Общее» сдерживание, как правило, не имеет временных рамок, осуществляется непрерывно и с учетом долговременного стратегического планирования. Исходя из этого, уместно применительно к нему использовать также термин «стратегическое» сдерживание.

Примером «общего» сдерживания является долговременная реализация Арменией и Нагорным Карабахом (как минимум – после заключения перемирия в мае 1994г.) политики сдерживания перманентных, длящихся уже второе десятилетие, угроз со стороны Азербайджана возобновить боевые действия в зоне Карабахского конфликта. Необходимостью реализации «общего» сдерживания обусловлены нынешний формат военно-политического сотрудничества Армении на двустороннем и многостороннем уровнях, членство страны в международных организациях и военно-политических блоках, номенклатура закупок вооружений и военной техники (ВВТ), дислокация вооруженных сил и военных объектов, цели и задачи осуществления военных реформ и военного строительства и т.д.

---

¹ Министр обороны: «Вооруженные силы Азербайджана имеют возможность уничтожить любую цель на территории Армении», Day.az, 24.04.2010.

Важным элементом, напрямую соприкасающимся с реализацией «общего» военного сдерживания, является вопрос его соприкосновения с политико-дипломатическим сдерживанием. Более полувека назад один из основоположников теории сдерживания Бернард Броди дал весьма интересное определение сущности политико-дипломатического сдерживания: «Политику, направленную на защиту всего того, что у нас есть, называют политикой или стратегией “сдерживания”» [9, р. 269]. В теории сдерживания очень трудно отметить ту самую грань, где кончается сдерживание военно-политическими методами (*deterrence*) и начинается политико-дипломатическое сдерживание (*containment*). Особенно это касается роли военно-политических союзов и вовлечения третьих стран в конфликтное урегулирование, режимов контроля над вооружениями, поддержания регионального военного паритета, т.е. политико-дипломатического обеспечения эффективности силовой составляющей на уровне «общего» или «стратегического» сдерживания [10, р. 85].

В свою очередь, «непосредственное» или «ситуативное» сдерживание возникает в форс-мажорных ситуациях, накануне или в период кризисов. Как отмечает разработчик данной классификации Патрик Морган, когда вероятный противник «планирует или уже готовится к нападению» или же необходима четкая реакция, чтобы развеять сомнения противника о степени решимости и состоятельности угроз сдерживающей стороны – именно тогда и включаются механизмы «ситуативного» сдерживания [10, р. 9]. «Ситуативное» сдерживание также реализуется в случае возникновения форс-мажорных ситуаций регионального уровня, когда внешние факторы и акторы оказывают такое влияние непосредственно на военно-политическую обстановку или военный баланс в зоне конфликта, которое способно снизить действенность «общего» сдерживания.

Элементами «непосредственного» сдерживания в кризисных ситуациях могут быть: эффективная «сигнализация» (военные парады, учения в непосредственной близости от зоны конфликта), демонстративные приобретения новых видов ВВТ, инициирование соответствующей реакции союзных государств и международных организаций, полная или частичная мобилизация, введение чрезвычайного положения и т.д. «Ситуативное» сдерживание в определенных рамках может включать в себя и непосредственные си-

ловые акции в виде ответных карательных действий ограниченного/пропорционального масштаба для парирования попыток прощупывания решимости сдерживающей стороны. Наглядными примерами реализации армянскими сторонами механизмов «ситуативного» сдерживания могут являться:

- операция частей Армии обороны НКР у села Леонарх Мартакертского района в ночь с 3 на 4 марта 2008г. (удержавшая азербайджанское военно-политическое руководство от искушения интерпретировать поствыборные события в Армении как удобный повод для начала боевых действий);
- «акции возмездия» карабахских войск в августе – сентябре 2010г. и масштабные учения в непосредственной близости от линии фронта осенью того же года с участием президентов Армении и НКР (предотвратившие намеренную эскалацию напряженности на линии фронта после диверсионной акции азербайджанских войск на мартакертском направлении в ночь на 18 ноября 2010г.);
- перманентное привлечение внимания представителей международных структур после конкретных эпизодов нарушения режима перемирия с целью последующей реакции МГ ОБСЕ, ЕС и других структур для деэскалации напряженности на линии фронта.

Надо подчеркнуть, что вышеуказанное типологическое «расщепление» сдерживания на «общее» и «ситуативное» не является искусственным интеллектуальным «продуктом», а наоборот – стало результатом глубоких теоретических разработок в рамках общей теории сдерживания. К концу 1970-х гг., учеными был выявлен т.н. «парадокс сдерживания», когда повышение реалистичности и убедительности взаимного сдерживания в противостоянии ядерных сверхдержав одновременно повысило риск войны. Концептуальное деление на два типа сдерживания позволило избежать данного противоречия [11, с. 153].

В соответствии с *характером реализации угроз* «возмездия» и согласно фундаментальной классификации Глена Снайдера, выделяется также два основных типа сдерживания: *сдерживание наказанием* и *сдерживание лишением* [12, pp.14-16]. Первый тип – *сдерживание наказанием* – был особенно актуален для ядерного биполярного противостояния сверхдержав в пери-

од Холодной войны. Он предполагал нанесение противнику (его территории, населению, промышленности, инфраструктуре) неприемлемого ущерба ракетно-бомбовыми ударами в случае инициирования агрессии, вне зависимости от самого исхода боевых действий. Предполагалось, что, просчитав все возможные издержки от ответного удара возмездия, вероятный противник откажется от идеи начала военных действий.

Сдерживание наказанием было и остается основным содержанием теории и практики ядерного сдерживания, концептуальной базой т.н. *противоценостной стратегии* (направленной против важнейших гражданских и промышленных объектов, а также военно-политического руководства противника). В последние десятилетия *сдерживание наказанием* стало актуальным и применительно к конвенциональному сдерживанию, когда наряду с повышением точности и поражающей мощи обычных вооружений технологическое развитие многих государств «достигло таких значений, когда разрушение отдельных элементов инфраструктуры, коммуникаций, систем управления может привести к катастрофическим последствиям, способным отбросить государство в его развитии назад на многие годы» [13, с. 12].

Следовательно, при анализе ситуации вокруг Карабахского конфликта, так же как и при планировании американскими и советскими стратегами ядерного сдерживания времен Холодной войны, основными целями конвенционального *сдерживания наказанием* будут являться не только вооруженные силы и военные объекты вероятного противника, сколько инфраструктурные и промышленные предприятия, а также военно-политическое руководство. Очевидно, что в случае с Азербайджаном, приоритетными целями *противоценостной стратегии* армянских сторон будут являться в первую очередь объекты промышленной добычи и переработки энергоресурсов, пути их транспортировки и сопутствующая инфраструктура.

В основе другого типа сдерживания – *сдерживания лишением* – лежит идея убеждения вероятного противника в том, что если на предыдущем этапе *сдерживание наказанием* окажется неэффективным и он (невзирая на ущерб от возможного возмездия) решится прибегнуть к военным действиям, то, тем не менее, столкнется с таким сопротивлением, что не сможет добиться успеха и достичь своих военно-политических целей. Данный тип сдерживания *априори* более применим к конвенциональному сдерживанию. Хотя и в ядер-

ном сдерживании он также лежал в основе стратегии «контрсилового удара»¹, т.к. к исходу Холодной войны и в США, и в СССР пришли к выводу, что в силу громадной поражающей мощи ядерное оружие фактически превратилось из средства ведения войны в политический инструмент сдерживания.

В постбиполярный период *сдерживание лишением* получило новое развитие, особенно в региональных конфликтах и во многих случаях даже являясь преобладающим. В отличие от ядерного, конвенциональное сдерживание не концентрируется преимущественно на ракетно-бомбовом потенциале с целью нанесения неприемлемого ущерба экономическому, демографическому и политическому выживанию противника. Ввиду относительно меньшей поражающей силы обычных вооружений, конвенциональное сдерживание имеет тенденцию акцентироваться больше на военно-технических аспектах снижения наступательного потенциала противника. Речь идет о способности сдерживающей стороны нанести неприемлемый ущерб наступательному военному потенциалу вероятного противника, лишив страну-инициатора надежды на быстрый блицкриг и тем самым удерживать от развязывания новой войны.

Параметры статьи не позволяют подробнее углубляться в данную тематику, требующую более обстоятельного анализа и изучения. Однако отметим (и данное обстоятельство особо актуально при нынешнем военно-техническом балансе в Карабахском конфликте), что наличие у обороняющейся/сдерживающей стороны в достаточном количестве высокоточного управляемого вооружения «поля боя» играет решающую роль в «увеличении трудностей для атакующей стороны в реализации ее стратегии блицкрига»². Достаточно важ-

¹ Т.е. развития тех ракетно-ядерных систем и средств стратегической разведки и целеуказания, которые предназначались для ударов по силам ядерного сдерживания потенциального противника с целью лишения его возможности нанесения ответного/ответно-встречного удара «возмездия». «Контрсиловая стратегия» используется и в конвенциональном сдерживании, будучи направленной против вооруженных сил и военного потенциала вероятного противника.

² Для лучшего понимания данного вопроса необходим комплексный анализ соотношения оборонительных/наступательных вооружений сторон (например, возможностями ударной авиации страны-инициатора в сопоставлении с системой ПВО страны, осуществляющей сдерживание или аналогичного соотношения между бронетанковым парком страны-агрессора и ракетно-артиллерийскими системами противотанковой обороны сдерживающей страны). В свое время ученые-международники предсказывали (основываясь на опыте локальных конфликтов и динамики развития военных технологий того периода), что развитие высокоточного управляемого оружия «поля боя» существенно облегчает асимметричное конвенциональное сдерживание при использовании наступающей стороной стратегии «блицкрига». Высокоточное управляемое оружие в арсенале сдерживающей стороны тем самым играет роль т.н. «противооружия» (в первую очередь – ПТРК, ПЗРК, мобильные ЗРК и ЗАСУ), эффективно нивелирующего количественное превосходство вероятного агрессора по т.н. «наступательным типам» ВВТ (танкам, БМ, ударной и армейской авиации). См. подробнее [14, pp. 69-71].

ным элементом *сдерживания* *лишением* в Карабахском конфликте также является наличие эшелонированной линии фортификационных укреплений вдоль линии соприкосновения, значительно усложняющей для инициатора возобновления действие возможность стремительных наступательных действий.

Естественно, приведенная типология не является полной, с учетом постоянного развития теории сдерживания (например, новых концепций «комплексного», «динамичного» или «совершенного» сдерживания или актуализация роли рациональности в теории сдерживания)¹. Однако воздержимся от дальнейшей детализации, тем более, что даже базовый охват основных параметров сдерживания вполне позволяет проецировать его на практику Карабахского конфликта. Более целесообразной представляется классификация основных составных элементов и механизмов реализации, присущих практически всем типам сдерживания.

2.3. Классификация элементов сдерживания: механизм функционирования и пределы эффективности

Структурно механизм реализации политики сдерживания подразумевает наличие трех основных составляющих элементов:

- *Потенциал сдерживания* (в первую очередь, в виде военно-технической компоненты его реализации);
- *Реалистичность и убедительность сдерживания* (наличие политической воли и решимости реализовать декларируемые угрозы в случае провала сдерживания);
- *Эффективная сигнализации* (возможность коммуникации с вероятным противником для донесения до него информации относительно двух предыдущих элементов сдерживания).

Как отмечает Бернард Броди, «максимально возможное сдерживание может требовать потенциала для достижения полной победы в войне, однако даже намного меньшие силы могут обладать значительной сдерживающей ценностью» [9, р. viii]. Очевидно, что для реализации эффективного конвенционального сдерживания в Карабахском конфликте армянским сторонам необходимо наличие значительного и боеспособного военно-технического ***потенциала***. Причем этот потенциал должен включать в себя две взаимосвя-

¹ См. подробнее [15, 16].

занные составляющие: 1) наличие дальнобойных ракетных систем дальнего радиуса действия для ударов по чувствительным целям в глубине территории вероятного противника (*сдерживание наказанием*) и 2) эффективный арсенал оборонительных систем «поля боя» для недопущения достижения вероятным противником быстрой и убедительной победы (*сдерживание лишением*).

Важнейшей характеристикой любого типа сдерживания, будь то ядерное или же сдерживание обычными (конвенциональными) видами (ВВТ), является также вопрос его *убедительности*, или, иными словами, осознания вероятным противником неотвратимой реалистичности возмездия. Как отмечал французский военный теоретик Пьер Галлуа, «любая сторона тем скорее откажется подвергать себя риску войны, чем более подготовленным и решительным будет представляться ей противник» [17, с. 131]. Сдерживание «работает» лишь тогда, когда в представлениях военно-политического руководства сдерживаемой страны есть осознание того, что силовой потенциал противника способен нанести непоправимые потери при инициировании боевых действий и/или не позволит достичь поставленных оперативных задач.

Особо отметим, что различие конвенционального сдерживания от ядерного в том, что последнее предполагает убеждение противника воздержаться от определенного рода действия/бездействия взамен на альтернативу «взаимного самоубийства». Тогда как при конвенциональном сдерживании, каким бы военным потенциалом ни обладала сторона, реализующая данную политику, у инициатора развязывания боевых действий всегда может существовать «окно сомнений», что даже в случае ответного удара возмездия у него будет оставаться надежда на достижение своих политических целей военными средствами. Таким образом, порог применения конвенционального сдерживания ниже, следовательно – убедительность применения выше, чем у ядерного. Естественно, несмотря на большую убедительность, степень эффективности конвенционального сдерживания также ниже.

В ситуации Карабахского конфликта важным фактором убедительности сдерживания армянских сторон является т.н. *асимметрия мотиваций*, более значительных, чем у Азербайджана. Победа или поражение в вероятной новой войне для Армении и тем более Нагорного Карабаха являются вопросом сохранения своей государственности. Другим повышающим убедительность армянского сдерживания фактором является наличие успешно-

го исторического прецедента готовности пойти на крайние издержки для сохранения имеющихся политических достижений в Карабахском конфликте. В политической науке схожая ситуация рассматривается в рамках теории т.н. «повышающейся репутации» (*theory of reputation-building*)¹. Этот феномен был наглядно продемонстрирован способностью армянских сторон выдерживать тяготы конфликта в условиях войны 1991-1994гг. и двух десятилетий сохраняющегося статус-кво.

Убедительность, следовательно, успех сдерживания во многом зависят от эффективности **сигнализации** и возможности донесения до вероятного противника реальной информации о степени решимости и силовом потенциале сдерживающей стороны. Сигнализация в реализации сдерживания может принимать различные формы – от проведения масштабных учений и демонстраций новой военной техники до праздничных парадов или парламентских и общественных обсуждений с целью фиксации верхней планки своих политических подходов в конфликте. Сигнализация является одним из самых чувствительных для противника элементов политики принуждения. Эффективная и наглядная демонстрация потенциала и решимости сдерживающей стороны расшатывает аргументацию одного из важнейших ресурсов сдерживаемого – убежденности (зачастую преувеличенной реалистичной) в собственной мощи и способности изменить сложившийся статус-кво. Соответственно, реакция на эффективную реализацию сигнализации у вероятного противника иногда может принимать непропорционально эмоциональные и неадекватные формы².

---

¹ Например, в рамках данной теории обосновывается, что именно фактор «повышающейся репутации» в двух войнах с Советским Союзом в 1939-1944гг. помог не только спасти Финляндию от советизации, но и во многом способствовал сравнительно мягким условиям заключения перемирия в 1944г. и Парижского мирного договора между СССР и Финляндией в 1947г. «Финляндия, таким образом, пережила проигранную войну как часть усиления своей репутации упорства, которая должна была усилить ее переговорную силу в будущих переговорах». См. [18, р. 646].

² Например, по случаю двадцатилетия независимости Армении 21 сентября 2011г. в Ереване прошел самый масштабный в ее истории военный парад с демонстрацией новых видов ВВТ, в том числе тактических, оперативно-тактических и зенитных ракетных комплексов. Чтобы не повредить асфальтное покрытие Площади Республики, тяжелая гусеничная техника (танки, БМП и САУ) демонстрировалась на лафетах тяжелых колесных тягачей (подробнее см. [19]). Через несколько дней президент Азербайджана Ильхам Алиев выступил с заявлением, где, в частности, содержались следующие высказывания: «После проведенного ими так называемого “военного парада” все поняли, в каком состоянии, в каком плачевном положении находится армянская армия. Я, наверное, и вы, и вся общественность впервые увидели, что военная техника не способна двигаться сама, их демонстрировали на параде, ведя на прицепах и грузовиках. У этого может быть несколько причин. Либо эта техника не работает, находится в неисправном состоянии, либо там нет топлива, либо обе эти причины вместе». См. подробнее: «Минобороны Армении недоумевают», *Радио Азадлыг*, <http://www.radioazadlyg.org/content/article/24379357.html>, 02.11.2011.

Естественно, что сдерживание, как и любая военно-стратегическая теория и реализуемая на практике политика, кроме очевидных преимуществ, имеет также свои недостатки и уязвимые стороны. Политика сдерживания не может быть статичной и должна постоянно развиваться, чтобы оставаться актуальной, способной действительно «сдержать» вероятного противника, утратить его возможными потерями и заставить отказаться от своих намерений. В частности, на эффективность сдерживания в ситуации Карабахского конфликта могут повлиять кардинальные изменения военно-технического баланса, степени рациональности принимающих политические решения лидера противоположной стороны, геополитического контекста, внутривнутриполитической ситуации и общественных настроений и т.д.

У сдерживания также есть собственные концептуальные ограничения. В частности, серьезной проблемой при оценке эффективности политики сдерживания является то, что ее успех зачастую проявляется лишь тем, что «ничего не произошло» [20, pp. 47-48]. Очень сложно прояснить, явился ли отказ сдерживаемой стороны от своих намерений результатом осознания издержек от реализации своих же шагов, или же другие факторы сыграли роль в успехе сдерживания.

Применительно к Карабахскому конфликту это означает, что армянским сторонам практически нереально убедить (и заставить признаться) противоположную сторону, что невозобновление военных действий происходит именно в результате эффективной реализации сдерживания. И что комбинация иных факторов (позиция внешних акторов, расчет на долгосрочный эффект экономической блокады, или же нежелание портить имидж Азербайджана в преддверии музыкального конкурса «Евровидение» и даже «миролюбивость и проявление доброй воли» азербайджанского руководства) не является более существенным ограничением возобновления войны, чем реальное военно-стратегическое сдерживание. Так же, как это сложно осознать противоположной стороной, не менее сложно объяснить и донести эту идею до собственной общественности и политической элиты. Естественно, это усложняет долговременную реализацию сдерживания с учетом важности общественных настроений для эффективности политических действий.

Наконец, очень серьезным концептуальным изъяном любого типа сдерживания является то, что оно не способно решить проблему урегулирования

конфликта. Сдерживание лишь содействует выигрышу сторонами времени и сохранению «меньшего из зол» – ситуации статус-кво. Хотя в долговременной перспективе сдерживание также может создать основу для снижения напряженности и создания основ для поиска взаимного компромисса по мере деактуализации конфликта в общественных настроениях конфликтующих сторон.

3. Теория и практика политики принуждения в Карабахском конфликте

3.1. Принуждение – поиски теоретической завершенности и рамки практической применимости

В отличие от сдерживания, теория принуждения не имеет настолько разработанную научную базу и нуждается в серьезном концептуальном совершенствовании. Принуждение все еще продолжает оставаться «в тени» сдерживания, хотя и получило новое дыхание в период после Холодной войны, когда казалось, что традиционное классическое сдерживание, основанное на биполярном противостоянии ядерных держав, потеряло свою актуальность в мировых исследованиях по проблематике безопасности и в арсенале политиков и военных. На некоторый период классическое сдерживание уступило место новым исследованиям в сфере безопасности, в частности – конвенциональному сдерживанию и теории принуждения.

Тем не менее вплоть до настоящего времени принуждение так и не приобрело окончательной интеллектуальной стройности, типологической структуризации и теоретической завершенности. Даже сам генезис и место принуждения в рамках силовой политики все еще остаются темой для споров ученых, специализирующихся на данной тематике. Некоторые считают, что принуждение – лишь более разработанная форма теории сдерживания, тогда как другие используют термин «силовая дипломатия» для объединения понятий принуждение и силовая политика [21, 22]. Однако будем придерживаться классического определения принуждения, выработанного Т.Шеллингом и получившего дальнейшее развитие со стороны его последователей. Согласно данному, наиболее распространенному подходу, принуждение является своего рода обратной стороной сдерживания, при этом имеющей достаточно специфические и не всегда аналогичные механизму сдерживанию черты и особенности.

Как и теория сдерживания, исследования теоретических основ и механизма практической реализации принуждения разрабатывались в первую очередь в США и Великобритании, а также отчасти в научных центрах и университетах ряда других западных стран. Очевидна подоплека актуальности концепции принуждения в англосаксонских исследованиях и нормативных документах в период после Холодной войны¹. Появившиеся новые возможности официального Вашингтона самостоятельно осуществлять военно-политические операции в различных регионах мира без учета мнения других стран вызвали необходимость дальнейшей концептуальной разработки теории, важнейшей составляющей которой выступает использование угроз или реализации силы как элемента внешней политики.

Согласно имеющимся концептуальным наработкам, принуждение (аналогично сдерживанию) типологически также может включать в себя две основные составляющие – *принуждение наказанием* и *принуждение лишением*. В первом случае имеется в виду угроза нанесения неприемлемого урона противоположной стороне, если она откажется осуществить действие, к которому стремится ее убедить принуждающая сторона. В свою очередь, смысл *принуждения лишением* заключается в том, что принуждающая сторона пытается убедить противника, что в результате реализации продекларированных ею угроз противоположная сторона все равно будет вынуждена пойти на действия, к которым ее принуждают.

Типология принуждения согласно другим своим характеристикам пока еще недостаточно проработана и систематизирована, наблюдается склонность к зачастую искусственному копированию элементов теории сдерживания, что не всегда оправданно с концептуальной точки зрения. Но, несмотря на незавершенность концептуального оформления теории принуждения, ее вполне можно проецировать на многие региональные конфликты современности, в том числе при освещении реализуемой Азербайджаном военно-политической стратегии и внешнеполитического поведения в Карабахском конфликте.

---

¹ См. подробнее [23].

3.2. Механизм принуждения: работает ли теория на практике Карабахского конфликта?

Реализация и механизм функционирования принуждения по определению сложнее, чем у сдерживания. Провал реализации политики сдерживания, в принципе, может быть только один раз – если сдерживание не удалось, и противоположная сторона все же решилась на осуществление нежелательного шага, например, начав военные действия. В то время как у принуждения, как политики использования силовых угроз для вынуждения к действию/отказу от уже совершенного шага, есть два индикатора неудачи:

1. если угрозы не повлияли на решимость принуждаемого, он не отреагировал и не уступил;
2. если принуждение не сработало, и принуждающий был вынужден реализовать свою угрозу – например, начать военные действия.

До сих пор концептуально не отработан вопрос того, как должна реагировать теория принуждения, если угрозы не подействовали и даже дозированное использование силы не заставило принуждаемого отказаться от уже совершенного им шага/пойти на уступки. Также недостаточно четко выявлены факторы, влияющие на успешную практическую реализацию политики принуждения.

Разрабатывая концептуальные основы теории принуждения, Томас Шеллинг во многом основывался на примере силовой политики Соединенных Штатов в отношении Северного Вьетнама (в частности, роли постепенной эскалации военных угроз, дошедших до уровня стратегических авиационных бомбардировок ВВС США). Однако, его классический труд 1966г. [1] так и не объясняет, почему все это не повлияло на успех американской политики принуждения в отношении Северного Вьетнама и даже наоборот – вовлекло Соединенные Штаты в полномасштабную вьетнамскую войну, так бесславно завершившуюся для Вашингтона. Его критики отмечают, что теория Шеллинга не раскрывает перспективы принуждения на один – два шага вперед. «Рассматриваемое им (Шеллингом – *С.М.*) принуждение противопоставляет силу воле. Для достижения успеха оно должно нанести (или угрожать нанесением) достаточный ущерб для смятения или сокрушения воли противника. “Болевой порог” зависит от того, что противник готов поста-

вить на карту. Шеллинг не задается вопросом, а какие ставки были сделаны Северным Вьетнамом или какие потери должны были быть ему нанесены, чтобы его лидеры попросили пощады» [22, р. 263].

Таким образом, недостаточная проработанность в случае неубедительности силы угроз является одной из наиболее уязвимых сторон теории принуждения. А что происходит в случае провала принуждения? Начало войны, которую можно проиграть или выиграть, причем победа в ней будет превышать все ожидаемые выгоды? Недостаточно просчитанные действия американцев в годы Корейской войны (переход 38-й параллели после Инчхонской операции, приведший к вступлению в войну Китая в октябре 1950г.), итоги Вьетнамской войны, двух афганских кампаний СССР и США лишь подтверждают изъяны теории принуждения [22, pp. 269-270]. Подобные примеры демонстрируют, что упование лишь на количественные параметры силовых потенциалов, на оценки «болевого порога» противника и его готовности идти на жертвы не дает уверенности в безусловной эффективности реализации политики принуждения.

Аналогичным образом, в Карабахском конфликте зачастую создается впечатление, что военно-политическое руководство Азербайджана не только не вполне представляет себе «болевого порог» Армении и Нагорного Карабаха, но и сознательно создает для себя иллюзии противоположного свойства, даже если вся динамика двух десятилетий конфликта вроде бы должна была убедить его в логике обратного.

Смежной с тематикой оценки «болевого порога» проблемой, ошибочное или самоуверенное интерпретирование которой также может привести к двойному провалу теории принуждения (неубедительность угроз и последующая вынужденная их силовая реализация), является оценка роли военного баланса и количественных калькуляций в ее планировании и эффективной реализации. К примеру, в расчетах военно-политического руководства Азербайджана важным элементом политики принуждения является инициирование гонки вооружений и ее использование как одного из ключевых ресурсов давления и угроз. Расчет делается на кажущиеся рациональными надежды по использованию нефтяных доходов для раскручивания гонки вооружений и изменения военного баланса в зоне Карабахского конфликта. При всей спорности данного утверждения (сохраняющийся количественный военно-техни-

ческий баланс в зоне конфликта зависит не только от финансовых возможностей сторон, но и позиций/вовлеченности влиятельных внешних акторов) имеются и концептуальные пробелы в данном вопросе¹.

Теоретики силовой политики неоднократно отмечают, что военный баланс, естественно, является важным элементом как реализации эффективного сдерживания, так и принуждения. Однако он лишь один из многих (и далеко не единственный) элементов, что было многократно продемонстрировано, например, опытом Холодной войны. Более важным, по мнению теоретиков, элементом реализации эффективной силовой политики является баланс/дисбаланс интересов и мотиваций сдерживающей и принуждающей сторон. Приводя примеры из истории Кубинского кризиса, Ричард Лебоу отмечает: «Военный баланс не был определяющим фактором ни разрешения кризиса, ни его результатов. Решение Кеннеди на установление военной блокады вместо авиационных ударов, решение Хрущева вывести свои ракеты и готовность Кеннеди вывести [свои ракеты] “Юпитер” отражали их политические подходы и оценки рисков и цены эскалации. Лидеры с различными оценками или концепциями возможности военной акции могут принимать различные решения» [22, р. 235].

В теории принуждения, как и в активно разрабатываемой и актуальной теории асимметричных конфликтов, мы сталкиваемся с феноменом, когда численно уступающие стороны зачастую побеждают (или навязывают свою волю) количественно превосходящих². Кстати, проблема применимости количественных параметров до конца не решена и в военной теории, которая не содержит «удовлетворяющих практику количественных законов, имеющих адекватное математическое выражение, необходимое для точного прогнозирования хода вооруженной борьбы» [26, с. 71]. Тем самым, как и в теории сдерживания, принуждение также сталкивается с феноменом *асимметрии мотиваций*, зачастую более эффективно реализуемой, чем *асимметрия потенциалов*. Как указывает американский теоретик асимметричного конфликта Айванн Аррегин-Тафт, «силовая асимметрия объясняет асимметрию интересов... Сильные акторы имеют меньший интерес к победе, т.к. их соб-

---

¹ О роли гонки вооружений и механизме поддержания асимметричного военного баланса в зоне карабахского конфликта см. подробнее [24].

² О феномене асимметричных конфликтов см. подробнее [25].

ственное выживание не является ставкой в конфликте. С другой стороны, слабые акторы имеют повышенную мотивацию к победе, т.к. только победа обеспечивает их выживание» [27, pp. 95-96].

Другой, не уступающей по важности особенностью теории принуждения, при всех прочих равных условиях делающей ее концептуально более сложной в реализации, чем сдерживание, является различное политико-психологическое содержание. Как отмечают эксперты корпорации *RAND*: «Обычно легче заставить потенциального нападающего отказаться от первоначальной атаки, чем принудить его отменить атаку, которая уже осуществлена, исходя из множества достаточно очевидных причин, как, например, политическая и психологическая цена отказа от действий после их публичного осуществления. Если принуждающий требует, чтобы противник отказался от войны или иных действий, уже приведших к большим человеческим и материальным потерям и достижение которых потребовало интенсивной мобилизации националистических или религиозных настроений, то будет особенно трудно достичь успеха» [28, p. 14].

С политической и психологической точки зрения легче воздержаться от еще нереализованного замысла под угрозой неминуемых потерь, чем заставить противника отказаться от уже достигнутых результатов, даже с учетом серьезных последствий. «Использование силы для сохранения статус-кво зачастую выглядит психологически более легитимным (для вовлеченных сторон и наблюдателей), чем попытки изменить его» [10, p. 2]. В конце концов, принуждающая сторона всегда может продолжать утверждать, что рано или поздно добьется своих целей. Очевидно, что, например, в Карабахском конфликте военно-политическое руководство Азербайджана, второе десятилетие не достигая своих целей политики принуждения (угрожая возобновлением военных действий и продолжением транспортной блокады), должно перманентно утверждать, что рано или поздно претворит свои угрозы в жизнь. Действенных ресурсов повлиять на прекращение данной риторики не существует. Если сторона реализует политику принуждения, то наряду с очевидными концептуальными сложностями в ее реализации она также приобретает своеобразную «роскошь» и преимущество контролировать степень и длительность пропагандистской риторики и угроз. Это позволяет сохранять политическое реноме во внутривнутриполитическом поле и на ме-

ждународной арене ссылками на неопределенные (но по их утверждениям обязательно достижимые) успехи в будущем.

Несмотря на многие очевидные сложности в практической реализации и недостаточную концептуальную проработанность, это отнюдь не означает, что принуждение изначально является более «ущербной» теоретической конструкцией, чем сдерживание. Например, как уже отмечалось, реализация стороной политики принуждения априори создает для нее психологически и политически более комфортную ситуацию с восприятием угроз возможной войны, чем для противостоящей стороны. Намного приятнее осознавать, что вероятность возникновения войны преимущественно зависит от твоего выбора, чем постоянно чувствовать угрозу возобновления боевых действий, даже если для этого нет никаких рациональных предпосылок. Подсознательное чувство того, что это именно ты можешь сделать выбор между войной и миром, приятно успокаивает на фоне того, как противоположная сторона, выбрав политику сдерживания и уступив инициативу противнику, одновременно вынуждена терпеть его угрозы без временных ограничений. К примеру, азербайджанское общество и политическая элита с видимым удовольствием постоянно угрожают возобновлением боевых действий, самоуверенно эксплуатируя благоприятную возможность, предоставляемую особенностями политики принуждения¹.

Принуждение содержит также некоторые элементы, которые при умелом использовании могут принести значительные практические успехи. Как отмечается учеными, «убеждение может принимать две формы: угроз, отклонение которых делают их слишком затратными, и вознаграждений, делающих их более привлекательными» [22, р. 270]. Данное измерение реализации принуждения, основанного на позитивных предложениях, во многих случаях доказало свою эффективность, например, в политике США в отношении ряда стран Центральной и Латинской Америки или Азиатско-Тихоокеанского региона.

¹ Преувеличенная надежда на действенность собственных угроз достаточно часто проявляются в публичных выступлениях азербайджанского руководства. Например, в одном из своих интервью турецкому телевидению в марте 2012г. президент Азербайджана заявил: «...если Армения отступит от своей позиции, то тогда мы сможем в скором времени добиться решения вопроса. А сейчас они живут в страхе. Мы это знаем. Люди не могут постоянно жить в страхе. Так как они прекрасно знают, что сегодня азербайджанская армия может с легкостью восстановить суверенитет Азербайджана в Нагорном Карабахе...». См. подробнее: *Ильхам Алиев: Турция и Азербайджан – «единый кулак, а тот, кто «встрял между нами» – живет в страхе*, <http://www.regnum.ru/news/fd-abroad/armenia/1505536.html>, 03.03.2012.

Однако в случае с Карабахским конфликтом ситуация прямо противоположная. Хотя потенциально сильной стороной реализации политики принуждения Азербайджаном могло бы стать именно создание возможности выбора у карабахских армян, основанное на позитивных предложениях взамен на готовность изменить сохраняющийся статус-кво. Но это требует серьезного политического мужества от азербайджанского руководства. Замена принуждения, основанного на перманентных угрозах возобновить войну и уничтожить карабахских армян, предложениями войти с ними в позитивные переговоры с целью для начала хотя бы разграничения рамок возможных компромиссов, – содержит серьезные риски для руководства Азербайджана. Кроме потерь репутации внутри собственной страны, это одновременно существенно ослабит силовую составляющую азербайджанского принуждения, если в дальнейшем официальный Баку на следующем этапе противостояния решит вновь вернуться к силовым угрозам.

С другой стороны, несмотря на определенный расчет на нефтяные доходы, их объем не настолько значителен, чтобы у Азербайджана были бы серьезные возможности предложить позитивные экономические стимулы Армении и Нагорному Карабаху. Азербайджан еще имеет потенциал по определенному наращиванию своих возможностей по добыче углеводородов после запуска второй стадии газового месторождения Шах-Дениз и ослабления падения нефтяной добычи за счет ввода в эксплуатацию новых мощностей в 2013-2015гг. Однако, по расчетам ряда экспертов, главный разработчик углеводородов – Азербайджанская международная операционная компания (АМОК) – уже достиг пика добычи на основном нефтяном месторождении Азери-Чираг-Гюнешли (АЧГ) еще в 2010г. Теперь добыча будет плавно снижаться с максимальных объемов свыше 50 млн. тонн нефти в 2010г. (и примерно 45 млн. тон в 2011г.) почти до уровня истощения промышленных запасов уже к 2019г. [29, pp. 311-315]. Наиболее выразительно ограничения регионального влияния азербайджанской «нефтегазовой экономики» иллюстрирует пример достаточно скромного результата ее инвестиционного вовлечения в соседнюю «неблокированную» Грузию. Через грузинскую территорию проходят все возможные азербайджанские трубопроводы и осуществляются инвестиции, но их результат демонстрирует, что потенциал пози-

тивного влияния Азербайджана на экономику соседнего государства, как минимум, серьезно преувеличен¹.

Продолжающаяся неэффективность политики принуждения в Карабахском конфликте заключается не только в ее теоретической уязвимости. Конечно же, заставить противника отказаться от того, что он уже имеет, концептуально намного более сложная задача, чем сдержать противника от искушения совершить какой либо шаг под угрозой возмездия. Тем более что ни в своих собственных расчетах и ни в калькуляциях противника эта сторона не обладает столь кардинальным силовым преимуществом и решимостью, чтобы сокрушить волю противника к сопротивлению. Главная проблема заключается в динамике практической реализации азербайджанского принуждения. Демонстрируемый уже второе десятилетие максимализм руководства Азербайджана на различных этапах конфликта загнал его в собственную ловушку завышенных ожиданий и ограничил степень маневра, особенно в вопросе позитивных предложений в его политике принуждения.

Заключение

Данная статья раскрывает лишь самые общие теоретические и практические рамки и параметры механизма силовой политики в Карабахском конфликте. Сдерживание и принуждение уже второе десятилетие реализуются на практике в ситуации Карабахского конфликта, тогда как попытки теоретического анализа и изучения этого феномена начали предприниматься лишь совсем недавно. Тематика требует большего теоретического раскрытия, что позволит эффективнее вырабатывать на ее основе практические рекомендации.

Однако даже сейчас, на основе уже имеющихся наработок, вырисовывается целый круг практических вопросов применительно к ситуации Карабахского конфликта, что является лишь дополнительным аргументом того, что фактор силовой политики является важной и актуальной темой для теоретического политологического изучения и практического анализа применительно к Карабахскому конфликту.

Апрель, 2012г.

---

¹ Согласно предварительным данным за 2011г., рассчитанным по методологии и справочным данным ЦРУ, ВВП на душу населения в нефтедобывающем Азербайджане составил порядка \$10200 США (107-е место в мировом рейтинге), тогда как в Армении (142-е место) и Грузии (143-е место) он был примерно одинаковым – по \$5400. См. подробнее: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/rankorder/2004rank.html?countryName=Azerbaijan&countryCode=aj&regionCode=mde&rank=107#aj>.

Источники и литература

1. *Schelling T.*, Arms and Influence. – New Haven and London, Yale University Press, 1966 (2008 Edition with a New Preface and Afterword).
2. *Security Studies: An Introduction* (ed. by Paul D. Williams). – New York, 2008.
3. *Bratton P.C.*, When is Coercion Successful? And Why Can't We Agree On It? *Naval War College Review*, Vol.58, №3, Summer 2005.
4. *George A.L.*, The Need for Influence Theory and Actor-Specific Behavioral Models of Adversaries, *Comparative Strategy*, №23, 2003.
5. *Клаузевиц К.*, О войне. – М., 2007.
6. *Караганов С.*, Теория сдерживания оказалась общей теорией международных отношений», *Международные процессы*, Т.3, №3 (9), сентябрь – декабрь 2005.
7. *Minasyan S.*, The Quest for Stability in the Karabakh Conflict: Conventional Deterrence and Political Containment, *PONARS Eurasia Policy Memo*, №188, September 2011.
8. *Մինասյան Ս.Ս.*, Ռազմական զսպման և քաղաքական սաստման քաղաքականությունը Ղարաբաղյան հակամարտության համատեքստում, *Հայկական Բանակ*, №4, 2011.
9. *Brodie B.*, Strategy in the Missile Age. – RAND: Santa Monica, 15 January 1959.
10. *Morgan P.M.*, Deterrence Now. – Cambridge University Press: Cambridge, 2003.
11. *Фененко А.*, Парадоксы ядерного сдерживания, *Международные процессы*, Т.2, №2 (5), май-август, 2004.
12. *Snyder G.H.*, Deterrence and Defense: Toward a Theory of National Security. – Princeton University Press, 1961.
13. *Буренок В.М., Ачасов О.Б.*, Неядерное сдерживание, *Военная мысль*, №12, 2007.
14. *Mearsheimer J.J.*, Precision-guided Munitions and Conventional Deterrence”, *Survival*, Vol.21, Issue 2, 1979.
15. *Complex Deterrence* (Ed. by T.V. Paul, Patrick M. Morgan & James J. Wirtz). – The University of Chicago Press: Chicago – London, 2009.
16. *Zagare F.C., Kilgour, D.Marc*, Perfect Deterrence. – Cambridge University Press: Cambridge, 2004.
17. *Галлуа П.*, Стратегия в ядерный век. – М., 1962.
18. *Sechser T.S.*, Goliath's Curse: Coercive Threats and Asymmetric Power, *International Organization*, №64, Fall 2010.
19. *Минасян С.*, Дипломатия военных парадов, *Военно-промышленный курьер*, №39 (405), 5-11 октября 2011.
20. *Freedman L.*, Framing Strategic Deterrence: Old Certainties, New Ambiguities, *The RUSI Journal*, Vol.154, №4, August 2009.
21. *George A., Hall D., Simons W.*, The Limits of Coercive Diplomacy: Laos, Cuba and Vietnam. – Boston, 1971.
22. *Lebow R.N.*, Coercion, Cooperation and Ethics in International Relations. – Routledge, Taylor and Francis Group, New York – London, 2007.
23. *Фененко А.*, Современные военно-политические концепции США, *Международные процессы*, Т.7, №1 (19), январь – апрель 2009.
24. *Минасян С.*, Поиск стабильности в карабахском конфликте: между конвенциональным «устрашением» и политическим сдерживанием, *Россия в глобальной политике*, Т.10, №1, январь – февраль, 2012.

25. Дериглазова Л., Минасян С., Нагорный Карабах: парадоксы силы и слабости в асимметричном конфликте, *Аналитические доклады Института Кавказа*, №3, январь 2011.
26. Ваккаус М.Ф., Сущность и механизм действия законов вооруженной борьбы, количественно отражающих ее характер, *Военная мысль*, №3, 2008.
27. Arreguin-Toft I., How the Weak Win Wars. A Theory of Asymmetric Conflict, *International Security*, Vol.26, №1, Summer 2001.
28. Johnson D.E., Mueller K.P., Taft W.H.V, Conventional Coercion Across the Spectrum of Operation: The Utility of U.S. Military Forces in the Emerging Security Environment. – RAND: Santa Monica, 2002.
29. Rasizade A., Azerbaijan's Prospects in Nagorno-Karabakh with the End of Oil Boom, *Iran and the Caucasus*, Vol.15, 2011.

“POWER POLITICS” IN KARABAKH CONFLICT: DICHOTOMY OF DETERRENCE AND CONSTRAINT

Sergei Minasyan

Resume

This article reveals the most common theoretical and practical frames and parameters of power politics mechanism in the Nagorno-Karabakh conflict. Deterrence and constraint have been used on practice in regard to the Nagorno-Karabakh conflict for two decades, while the attempts of theoretical analysis and study of this phenomenon have been initiated quite recently. The subject demands more theoretical disclosure which would provide more efficient elaboration of practical recommendations.

But even now, on the assumption of available groundwork, an entire circle of practical questions, which can be used in regard to the situation in Karabakh conflict, is outlined and this is just another argument that the power politics factor is an important and topical subject for the theoretical study and practical analysis of the Nagorno-Karabakh conflict.